

**12 остановок миссисипского поезда:
от акустической Дельты до электрического Техаса
(Путешествие - длиною в блюз)**

История блюза – что это? Строгая академическая дисциплина из истории музыки или калейдоскоп человеческих судеб, отражённый в тягучих и печальных, отчаянных и пронзительных, тревожных и задумчивых песнях? Наверное, никто не ответит на этот вопрос, кроме самих музыкантов. Которые и есть, собственно, история... От фольклорного, этнографического материала 10–30-годов 20-го века до одного из фундаментальных музыкальных пространств начала третьего тысячелетия – вот путь, пройденный негритянским блюзом за каких-то сто лет. Джаз, рок-н-ролл, фьюжн, авангард, современная классика – везде можно без труда отыскать влияние блюза. Вся современная музыка в той или иной степени – трибьют тем полунищим, полуголодным чёрным музыкантам, которые, сами того не ведая, творили основу культуры будущего. И получали за это несколько центов да бесплатное виски в кабаках и забегаловках Миссиссипи.

Так как же всё это начиналось? Давайте совершим путешествие в блюз. Пусть небольшое, затрагивающее лишь десяток с небольшим имён и столько легендарных блюзовых судеб, и всё таки...

Миссиссипи Джон Харт

В конце 19 века в южных штатах Америки пели все. Пели индейцы – свои гортанные, протяжные песни, отзывающиеся уханьем совы, криком ястреба и волчьим воем. Пели белые – старинные баллады своей милой далёкой Европы, которые звучали под негромкий аккомпанемент гитары и банджо и теперь уже назывались «кантри». Пели и афроамериканцы. Но очень разные песни. Благочестивые, религиозные люди пели песни божественные – госпел и спиричуэлс, в которых воспевание милости христианского Бога носило явный отпечаток африканских вокальных традиций. Работники, убиравшие хлопок, и рубившие лес – уорк-сонги и хаулеры, где рабочий ритм служил основой для улетающего в запределье долгого протяжного выкрика. На деревенских вечеринках пели рэгтаймы – как под гитару, так и под фортепиано (в тех счастливых и «неимоверно богатых» домах, где оно всё-таки было). «А блюз?», – спросите вы. А блюз ещё не появился. Он пока лишь незримо присутствовал во всём вышеперечисленном. Но до его официального, задокументированного историками музыки, рождения – оставалось совсем немного...

Миссиссипи Джон Харт – один из уникальнейших рут-блюзменов столетия с мальчишества чередовал работу в поле с игрой на гитаре. И в стиле его – тихом, чуть печальном, но совершенно пронзительном, ясном и чистом, – в равной степени смешались

рэгтайм и ранний фолк–блюз. Харт обладал виртуозной «пальцовкой», обыгрывая стандартные аккорды так, как будто это делают как минимум две гитары, и при этом играл абсолютно спокойно, без всякого напряжения.

Его песни – стандартные темы и мифы Дельты – магия худа, красивые женщины, радость и горе, добро и зло. В том числе и аллюзии на реальные жизненные ситуации:

Господин полицейский офицер!
Ну как же такое может быть?
Вы можете арестовать кого угодно
Но только не Стаггера Ли
Он – злой человек
Жестокий Стаггер Ли...

Stack O’Lee, Frankie, CandyMan – фольклор, из которого выросло блюзовое дерево современности. Простые блюзы простого миссиссипского железнодорожника...

Харт первый раз записался в 1928–м, затем был переоткрыт в фолк–блюзовые 60–е, пел в Ньюпорте, выступал в студенческих клубах. Его очень любили. В его блюзах не было агрессии, грубого, хриплого и «сырого» дельтовского надрыва, характерного для Чарли Паттона и Хаулин Вулфа. Однако Миссиссипи Джон был, без сомнения, истинным хранителем традиций и волшебником старого, древнего, полусказочного блюза. Если вам когда–нибудь станет плохо – поставьте пластинку Миссиссипи Джон Харта. Он не зря жил на этой земле.

Блайнд Лемон Джефферсон

Удивительная земля – Техас. Здесь солнце не заходит от заката да рассвета. Здесь до сих пор испанская речь мешается с английской и деревенским «блэк лэнгуич». Здесь родился один из самых универсальных и узнаваемых ныне музыкальных языков – техасский блюз. И одним из первых его звёзд, хранителей и проповедников стал толстый, слепой и добродушный Блайнд Лемон Джефферсон.

О его жизни даже историки блюза, съевшие на биографиях олд–блюзменов не одну собаку, знают немного. Почти по Аристотелю: «Родился... Играл... Умер...». Даже если вынести и первое и последнее за скобки, остаётся то, ДЛЯ ЧЕГО он жил... Для деревенских пикников. Площадных перформэнсов. Провинциальных праздников и танцев. Всюду, где нужно было петь и играть – всюду появлялся Слепой Лимон. Играл он на маленькой гитарке, к которой была накрепко привинчена железная кружка – для монет. И их перепало обычно достаточно. По крайней мере, ещё подростком Джефферсон принёс в дом свой первый блюзовый заработок.

И в дальнейшем никто и никогда не смел жалеть его за слепоту. Он был гордым человеком. Самостоятельным человеком. Прошедшим путь от техасского уличного блюзсингера до звезды первой величины в категории «расовых записей». Да, он записывал самые настоящие пластинки на самой настоящей студии «Парамаунт». И продавались они таким тиражом, что стачивались болванки с мастер-записями, и слепому маэстро приходилось записывать некоторые свои шедевры повторно. Такова цена популярности в эпоху начала звукозаписывающей индустрии.

По поголовному признанию современников, играл Джефферсон как Бог. Его блюзы отличались сложнейшим аккомпанементом, сочетавшимся с прихотливым ритмом, который автор мог сменить по три раза на протяжении одной песни. Никто не мог тягаться с ним в блюзовых дуэлях – там, где появлялся Джефферсон, там уже не было места другим музыкантам. И Лидбелли, и Ти-Боун Уокер, и Хаулин Вулф, и Лайтнин Хопкинс – да целые десятки имён в истории блюза вдохновлялись игрой Блайнд Лемона. Если запараллелить блюзовые пространства 20-х и 80-х, то братьями-близнецами техасского зазеркалья были бы Блайд Лемон Джефферсон и Стиви Рэй Воэн. Чёрный и Белый. Слепой и Зрячий. Акустический и Электрогитарный. Начало и конец века. Альфа и омега блюзового Техаса...

И особенно в своё время меня ошеломило первое знакомство с джефферсоновской Jack O' Diamonds. Я, наверно, до сих пор считаю, что это одна из лучших его песен и одна из наиболее архаичных и архетипических композиций блюзового Юга вообще. Высокий, отстранённый вокал, взлетающий и падающий, несколько (зато каких) блуждающих нот гитарного аккомпанемента, общий абсолютно завораживающий строй и минималистический текст - какая-то странная сумрачная гармония и безостаточное погружение в песенную реальность - вот мои первые (да и сейчас почти то же самое) ощущения. Вероятно, она близко связана с holler-ами, хотя согласно комментаторской литературе – это старая картёжная баллада. Кроме того – это единственный во всём репертуаре Слепого Лимона номер, играющийся методом ножевого слайда на открытом строе. На остальные джефферсоновские стандарты – Match Box, Black Snake Moan она совершенно не похожа. Что ж... Есть песни обычные, есть песни хорошие, а есть – песни-откровения, уводящие в самое сердце блюзового неба. И я благодарен толстому и слепому негру с маленькой гитаркой и примотанной к ней жестяной кружкой для мелочи, за это путешествие...

Лидбелли

О Лидбелли говорили разное. Кто-то любил его, кто-то боялся. Ходила молва, что если его разозлить, то он становился почти невеняем. Как настоящий зверь. И в этом состоянии в драке мог запросто и убить своего соперника. Его тюремные сроки за убийство, настороженные глаза, прозвище («Свинцовый живот» –за искусство не

обращать внимание даже на сильные удары «под дых») – всё это не слишком располагало к душевному общению с ним.

Но когда он начинал петь... Люди забывали о всех своих страхах и сомнениях. Его голос выл, стонал, горевал, плакал кричал, как раненая птица, и вместе с ним плакали сердца слушателей. Лидбелли знал множество песен – более полусотни. Некоторые из них он сочинил сам, но большинство подслушал и запомнил. Фольклористы в шутку называли его «ходячей музыкальной энциклопедией». И постоянно вытаскивали его из-за решётки, куда его неизменно приводил буйный нрав и разгульная натура. Easy Rider – пел он, а по сути выпевал свою жизнь. Он и был беспечным всадником. Куда занесёт нелёгкая – там и петь свои песни. Там и буянить. Там и скандалить. Оттуда же – часто снова в тюрьму. А потом – всё сначала. Лишь к середине-концу жизни Лидбелли стал степеннее. Давал концерты в залах. Пел для белых. Записывал пластинки.

Мы не можем сказать был ли Хадди Ледбеттер добрым человеком. В чужую душу (особенно когда её обладатель жил с полвека назад) не залезешь. Но песни его остались. И пелись. Пелись Сонни Терри и Брауни МакГи, пелись Питом Сигером, пелись Йормой Кауконеном и Дженис Джоплин. И остались живы ...

Биг Билл Брунзи

В пору расцвета его популярности никто не писал на пластинках “Биг Билл Брунзи”. Достаточно было пометить конверт “Биг Билл”, и стопроцентная раскупаемость им была обеспечена. Но далеко не сразу Билл Брунзи стал королём блюза. Было всякое. По корням – дельтовский музыкант, он и в свой коммерчески успешный период продолжал играть старые блюзовые стандарты. Именно Биг Билл Брунзи был приглашён Джоном Хэммондом вместо погибшего уже легендарного Роберта Джонсона на этапный в истории блюза фестиваль «От спиричуэла к свингу». И Хэммонд не прогадал. Имя Биг Билла Брунзи по праву стоит в ряду архетипических блюзменов, чьё влияние на блюзовый мир не ослабевает до сих пор.

Играл наш герой и в соло-акустическом формате, и с аккомпаниаторами. Свой «счастливый блюз», завоевавший Чикаго–без излишних «текстовых хулиганств», без первобытного «паттонского» надрыва как раз и сделал ему имя в довоенный период. Когда в Чикаго приехал молодой Мадди Уотэрс, и впервые понял как же трудно пробиться музыканту в большом городе, Большой Билл, несмотря на свою «звёздность» помог юному пионеру блюзовой революции, и в благодарность Мадди, уже достигший успеха, записал свою пластинку «Мадди Уотэрс поёт блюзы Биг Билла Брунзи».

И ещё штрих – к истории рок-н-ролла... Действительно, рок-н-рольные и «буги-вужные» фигуры тут и там разбросаны по записям олд-блюзменов. И Блайнд Лемон Джефферсон, и Роберт Джонсон и многие-многие менее известные, собственно и были первыми рок-н-рольщиками. Но энергичные буги и шаффлы Биг Билла Брунзи

дают, на мой взгляд, лицезреть целую палитру изначального, «корневого» рок-н-ролла. Его техника игры на акустике была безупречной. «Я не настолько хорошо знаю ноты, чтобы испортить ими мою музыку» – одно из хрестоматийных высказываний маэстро. И слушая «счастливый» блюз Большого Билла, – радуешься... хотя бы за то, что его блюзовое послание с лёгкостью долетело до начала третьего тысячелетия. Что ж, видно и вправду его блюз был счастливым...

Роберт Джонсон

В 20-е годы по посёлкам и местечкам Дельты странствовали три друга. Три музыканта. Три блюзмена. Самого старшего из них звали Чарли Паттон. Он был не слишком похож на типичного афроамериканца – вытянутое лицо, почти прямые волосы, светло-медного оттенка кожа. В Паттоне смешалась кровь всех, кто только обитал в этом суровом и сумрачном крае – индейцев, негров, жителей белой Америки и даже мексиканцев. Но это не помешало Чарли стать одним из первых королей Дельта-блюза. Он обладал неистовым, хриплым, истощным голосом, играл на гитаре со слайдом и без, а на своих выступлениях устраивал настоящее безумие. Очевидцы рассказывают, что Паттон прыгал с гитарой, махал ею над головой, чуть ли не кувырчался с ней, при этом корча невероятные рожи. По нынешним субкультурным критериям, Паттон располагается где-то между Джими Хэндриком и Сидом Вишезом. Первый панк-блюзмен. Гений и безумец.

Двух других его компаньонов звали Сон Хаус и Вилли Браун. Сон Хаус был, наверное, самой харизматической личностью в олд-блюзе, и исполнял свой репертуар в экстатическом, полушаманском ключе. Это и немудрено, так как во внеблюзовой жизни Сон был проповедником баптистской церкви, и великолепно умел работать с любой аудиторией. Кроме того, он был признанным мастером слайд-гитары (Мадди Уотэрс, например, получил первые рецепты игры слайдом именно от Хауса). Вилли Браун тоже был известным в Дельте музыкантом, но о нём мы знаем так мало, что домысливать здесь его биографию было бы просто нелепо.

И вот за вышеописанной тройкой мастеров жанра начал бегать один юркий мальчишечка. Звали мальчишечку Роберт, по рождению –Роберт Джонсон. Он немного умел играть на гитаре, но от его умения мало-мальски продвинутые в блюзовом ремесле люди только фыркали. И тихонько крутили указательным пальцем у виска. Понятное дело, что Роберт обижался – самой большой его мечтой было стать настоящим блюзменом. Из троицы наших блюзовых бродяг он больше всего сдружился с Вилли Брауном (позже он увековечит его имя в своём легендарном блюзе Crossroads). Итак, Джонсон пытался освоить блюзовую гитару, но давалось ему это с большим трудом. А что дальше?

А дальше он исчез. И на протяжении почти нескольких лет его никто не видел. Потом появился. И сразу же прибежал к Паттону, Хаусу и Вилли Брауну. Сыграл им несколько своих номеров.... Немедленное падение метеорита прямо в тот кабак, где сидели эти четверо, наверное, призвело бы на трёх из них меньшее впечатление. Как? Этот мальчишка? Который ещё недавно с трудом переставлял пальцы на грифе? Как он может так играть???!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Неизвестно, кто первый пустил слух о потустороннем вмешательстве. Может быть Сон Хаус, может кто-то ещё... Но с тех времён за Джонсоном вслед, куда бы он не приезжал – летела молва – этот парень как-то ночью вышел на перекрёсток, и в обмен на свою душу его научил так нечеловечески играть сам Дьявол! Роберт, будучи к тому времени уже изрядно потрепан жизнью (в 18 лет он женился, но при родах его 16-летняя жена умерла вместе с ребёнком, а её родные фактически обвинили Джонсона в убийстве, и главным пунктом обвинения было занятие блюзом) уже не отвергал ту легенду, которая сложилась вокруг его имени. Наоборот, в своих блюзах, особенно позднего периода, он усиленно эксплуатировал эту тематику (*Me and a devil, Hellhound on my trail*). И после ещё нескольких лет блюзовых странствий от посёлка к посёлку, от женщины к женщине (в принципе, Роберт так и остался мальчиком, не получившим в своей жизни достаточного количества тепла и любви; после трагедии с первой женой он обычно выбирал женщин постарше, им же он посвятил и львиную долю своих песен) он и окончил свой страннический блюзовый путь, выпив отравленный одним ревнивым мужем виски. Всё. Земная летопись жизни Роберта Джонсона, человека и музыканта, закончилась. Осталась только его музыка.

Лайтнин Хопкинс

И вновь в нашу историю врывается Техас. Ветреный, яркий, бесшабашный. Как блюзы Сэма «Латнина» Хопкинса. Человек, который остался верен техасским блюзовым корням, который никогда не изменял своего блюза в угоду модной на тот или иной момент музыки, наконец, неутомимый блюзовый странник, давший концертов и оставивший после себя записей, может быть даже больше, чем кто-либо другой из коллег-музыкантов. Он не отличался монументально-тяжёлым саундом, как знаменитые чикагцы Мадди Уотэрс и Хаулин Вулф. Не «приджазовывал» блюз, как его великий земляк Ти-Боун Уокер. Не был чемпионом «скоростных-гонок-пальцами-по-грифу», как многие современные музыканты. Он просто играл свой техасский акустический буги и медленные ритмичные блюзы в лёгкой, почти «воздушной» манере. Иногда Хопкинс играл с аккомпаниаторами, но славу ему принесли, конечно, сольные выступления. Он брал зал из нескольких сотен человек влёгкую. И это была настоящая блюзовая атмосфера. В зале – не было зрителей. Все присутствующие были не зрителями, а участниками и соучастниками

этого акустик-блюзового действа, где разговоры музыканта с публикой были так же естественны, как и хопкинсовские рассказы, увлечённые которыми, люди не всегда понимали, что артист уже не рассказывает, а поёт. И его старая шестиструнка вторит каждой его фразе. И после двухчасового концерта люди расходились, будто побывав в гостях у хорошего знакомого. У Сэма Лайтнина Хопкинса.

Джон Ли Хукер

Реликтовый блюзовый персонаж, Джон Ли Хукер – один из немногих, кто донёс изначальное, архаическое блюзовое звучание до конца 20 века. Выросший и начавший музицировать в Миссиссипи – «блюзовом сердце Америки» – он, тем не менее абсолютно непохож на музыкантов миссиссипской блюзовой общины. «Фирменный», монотонный, почти психоделический звук хукеровского блюза проходит сквозь времена – от его первого серьёзного хита 50-х Boogie Chillen, который снимали-переснимали и юный Бадди Гай, и никому ещё неизвестный Альберт Коллинз, до его Deep Blue Sea и других старых и новых «дребезжаще-акустических» вещей с альбома Chill Out, записанного, когда Джон Ли был уже блюзовым старцем. Хукер во многих случаях вообще не использует традиционную 12-тактовую структуру блюза. Он играет на одном аккорде, пересыпая его вдоль и поперёк такими созвучиями, что у непосвящённых зрителей начинают разбегаться глаза. Но акустика – не единственное его амплуа. Вообще, он равно комфортно чувствовал себя, играя и с большими блюз-бэндами, и с обычной шестистрункой. «Никогда не выберусь из живого блюза» – называется одна из его пластинок 70-х годов. Что ж, истинная правда. Блюзмен Джон Ли Хукер – вряд ли когда-нибудь из не выберется. Даже после своей смерти.

Сонни Бой Уильямсон

Биография фактически каждого из олд-блюзменов – по сути, такая же легенда, как и его музыка. Но Сонни Бой Уильямсон и здесь стоит несколько особняком. Начнём с того, что блюзовых музыкантов с таким именем было два. И каждый из них великолепно играл на губной гармошке. И сочинял песни. Только настоящий Сонни Бой (Джон Ли Сонни Бой Уильямсон) – был моложе своего блюзового «двойника». И умер, как водится по блюзовой «бад лак энд трабл» – молодым. А человек, которого звали Райс Миллер, до такой степени увлёкся музыкой Сонни Боя, что стал уверять окружающих, что настоящий Сонни Бой Уильямсон – он сам. И подтверждал это несколько самоуверенное заявление умопомрачительной игрой на губной гармошке. Так и вошли в историю блюза два музыканта. Два харписта. Два Сонни Бой Уильямсона.

Играл Уильямсон–первый с бэндом. Сам пел и производил свои птичьи трели на харпе, пересыпая ими свои быстрые блюзы словно россыпями мелкого бисера. Был звездой чикагских клубов 40–х годов. Очень часто был не в состоянии доиграть концерт до конца, так как падал, мертвецки пьяный, прямо на сцене (не стоит забывать, что игра в клубах, а фактически в кабаках, предполагает неконтролируемый доступ к бесплатному виски. Так что уж говорить о бедных блюзменах?) Правда, его очень любили. И когда он добирался до своей гармошки – у чёрных обитателей чикагских трущоб – светлели лица. Что, однако, не уберегло Сонни Боя от вполне блюзовой кончины – в 1948 году он был зарезан или застрелен в ходе бандитской разборки на выходе из клуба, где он играл. Где он царствовал...

А Райс Миллер – Сонни Бой Уильямсон–второй – в 30–х годах был миссисипским бродячим блюзменом. Водил знакомство с Робертом Джонсоном, играл и даже сидел в тюрьме с его пасынком Робертом Локвудом (правда, на привилегированном положении – сами музыканты утверждали, что их посадили за бродяжничество просто потому, что в том районе не было музыкальных автоматов; в тюрьме они давали концерты для «белого» тюремного начальства, и им даже неплохо платили). После того, как своей гармошкой он всё-таки пробил себе путь на большую блюзовую сцену, его поклонниками стали британские музыканты, усиленно внедрявшие блюз на лондонскую сцену 60–х. Сонни Боя пригласили в Англию, он играл с Yarbuds, Animals и иже с ними, впрочем, довольно критично в целом отзываясь о их умении играть блюз. Его можно понять. Ведь в отличие от мрачноватых, холодных блюз–роковых пьес британцев настоящий Сонни Бой – это высокий, чуть дрожащий голос, качающийся вдоль и поперёк ритм, и быстрые перекрёстные переливы его губной гармоник. Это блюз, в котором легенды Миссисипи и судьба бродячего блюзмена соединились в одно вибрирующее саунд–пространство. И это кайф. Nine below zero...

Мадди Уотэрс

История этого всемирно известного динозавра блюза на первый взгляд похожа на сказку о Золушке: «Пришёл, увидел, победил». Но только на первый взгляд.

Хитроватый «афроамериканский эскимос» МакКинли Морганфилд (его специфический разрез глаз породил в своё время немало шуток, впрочем, весьма добродушных) действительно прошёл путь от тощего дельтовского подростка, пристававшего ко всем встречным–поперечным музыкантам со всем, что касается блюза, до его признанного и всеуважаемого короля. Воистину, «история блюза вращается вокруг имени Мадди Уотэrsa». Но были у короля в жизни и жестокие разочарования, и хронические неудачи, да и прочее, сопутствующее нелёгкому ремеслу музыканта.

Работа в поле, первый восторг от блюзов Чарли Паттона и Сона Хауса, период блюзового ученичества, записи кантри–блюзмена Мадди Уотэrsa для библиотеки Конгресса США, переезд в Чикаго, долгие и мучительные поиски собственного «электромадиуотэрсовского» звука, знакомство с фирмой «Чесс», пластинки, концерты, – и лишь потом, наконец, долгожданный успех, удача и популярность. И до самой смерти – блюз и только блюз. Даже автомобильная катастрофа в конце 70–х не отняла у короля блюза его музыку. Он так не перестал давать концерты, хотя играть и петь приходилось уже сидя.

Он был добрым, весёлым и искренним человеком. Таким он и вошёл в историю блюза. Да навечно там и остался.

Хаулин Вулф

Блюзовая община Миссисипи чем–то напоминает алмаз, у которого каждая грань мерцает по–особенному, своими собственными лучами. Повернул его боком к солнцу –ррраз! – сверкнул Джон Ли Хукер. Повернул ещё чуть–чуть – высветился Миссисипи Джон Харт. Ещё – и вот уже засветился Мадди Уотэрс. И в такие солнечные зайчики можно играть долго.

Но одним из самых ярких миссисипских лучей был некто Честер Барнетт, получивший в блюзовом мире прозвище Хаулин Вулф. (Чем вообще блюзовая сцена не индейское племя? И вожди есть – Воющий Волк и Грязная Вода.)

В молодости Хаулин получил первые уроки игры на гитаре от самого Чарли Паттона. Легко заметить преемственность и в манере исполнения вокальных партий – Вулф, так же как и Паттон являлся характернейшим представителем хрипящего, воющего, рычащего вокала, который сегодня без труда интерпретируется как специфически «блюзовый». В голосе Вулфа было нечто первобытное, сходное по ощущениям со звериным криком. Да и сам Честер напоминал если не зверя, то человека–гору уж точно. Огромный, чуть медлительный. Блюзмен из дремучих лесов....

Отличным гитаристом Вулф себя никогда не считал, часто вообще оставляя гитару и играя на губной гармошке. Но главными его достоинствами был всё же вокал и сопутствующая ему неистовая энергетика живых концертов. Его блюз-бэнд играл классический чикагский блюз со всеми отсюда вытекающими саунд-последствиями. Саксофон, фортепьяно, гитара, контрабас, губная гармошка – всё это вместе и давало ту удивительную смесь, на которую ложился скрипучий, каркающий (в медленных блюзах) или ревущий и вопящий голос Хаулин Вулфа. Голос Воющего Волка...

Би Би Кинг

Райли Би Кинг – ещё одно живое подтверждение, что блюз – одна большая община. Или, если хотите семья. Где все друг другу родственны не только по духу, но и по крови. В смысле родственники.

Жил такой человек в 30-х–40-х годах. Звали его Букка Уайт. Огромный, мощный, неукротимый. И, конечно, блюзмен, причём со своей фирменной манерой звукоизвлечения, которую не спутаешь ни с кем другим. Играл Букка исключительно на national steel guitar, с использованием слайда, но отнюдь не медленную прозрачную музыку. Блюзы Уайта напоминали бегущий по прерии табун диких мустангов, не более, не менее. Его грязный, сырой, сверхакцентированный и сверхритмичный шаффл поднимал в миссиссипских кабаках даже уже лежащую под столами мертвецки пьяную публику. И всё это продолжалось, как водится, до самого утра.

А БиБи Кинг (“blues boy”, «блюзовый мальчик») был Букке Уайту двоюродным братом. И первые уроки блюза получил именно от него. Позже Кинг вспоминал, какое невероятное впечатление произвела на него игра кузена слайдом. Сам БиБи так и не научился этой премудрости до сих пор. И во многом именно из-за этого ему пришлось выработать фирменный звук свой «Люсиль» с неповторимым бибикингсовским вибрато.

Естественно, манера игры у этих родственников абсолютно непохожа. Сам БиБи Кинг отталкивался уже не от кантри- и дельта-блюза, а от блюза техасского, причём «интеллигентного», характернейшим и ярчайшим представителем которого был тогда Ти–Боун–Уокер. Кинг и не скрывает своей первой любви. Во многом под влиянием «приджазованного» Ти–Боун Уокера, нынешний король блюза и обронил свою коронную фразу: «Джаз – это блюз, получивший высшее образование». Но самому БиБи Кингу высшего образования получать не надо. Он в блюзе уже пол-века. Начав в 50-х с версий «3 o’clock blues» Лоуэлла Фулсона и «Every day i have a blues» Мемфис Слива, он до сих пор остаётся одним из самых популярных артистов на мировой блюзовой сцене. И фамилию свою оправдывает вполне.

Фредди Кинг

Один из трёх королей блюза (буквально, по фамилии) Фредди Кинг занимает в истории блюза особое место. Выходец из Техаса, он стал пионером жёсткой, агрессивной и одновременно виртуозной манеры игры, которая не сразу была воспринята блюзовой публикой адекватно. Легендарная чикагская фирма «Чесс» не стала заключать с Фредди Кингом контракта, хотя и пользовалась его услугами как сессионного музыканта. Многие блюзовые традиционалисты из афроамериканцев вообще скептически ворчали: «И это блюз?».

Но это был блюз. И блюз самый настоящий. Высочайшей пробы. Первыми фанатичными поклонниками гитарной пиротехники Фредди Кинга стали молодые ещё звёзды британского блюза. Джон Мэйалл и «BluesBreakers», Питер Грин и «Fleetwood Mac», Эрик Клэптон с самыми различными составами на протяжении многих лет с огромным кайфом играли вещи Фредди Кинга. Фактически, он – один из тех, кого можно с полным правом назвать пионером блюз-рока как стиля. На концертах он выжимал из своей гитары тысячи звуков одновременно, сопровождая это звуковое извержение безумными прыжками по сцене, (что само по себе уже впечатляло, ибо и роста и комплекции Фредди был «королевской» – под два метра и отнюдь не 90–60–90) и хриплым, энергичным, полугортанным вокалом.

Кинг не только исполнял массу блюзовых стандартов в своей собственной «дикой-гитарной» обработке, но и сам был выдающимся блюзовым композитором. Его Hideaway была чуть ли не пропуском в блюзовые клубы для музыкантов. Джимми Вонн благодаря именно Hideaway играл в клубах, где его совершенно никто не знал. И после каждой раз публика разражалась восторженными криками (хотя встречали никому неизвестного гитариста настороженным молчанием). Его брат, Стиви Рэй, вместе с Джеффом Бэком один из самых эффектных своих джемовых перформэнсов устраивали на знаменитой вещи Goin Down, которая была визитной карточкой позднего Кинга. Так что король умер. А блюзы его – нет...

Эрик Клэптон позже вспоминал, что именно джемы с Фредди Кингом более всего вдохновляли его на дальнейшие, собственные блюзовые путешествия. А что ещё нужно блюзмену, кроме вдохновения?

Вот и закончилось наше краткое путешествие в историю блюза. Краткое, как поездка на миссиссипском поезде. Всего 12 остановок. 12 имён. 12 судеб. И совершенно удивительная музыка.

Не знаю, как вы, а я – отправляюсь дальше. В своё – путешествие...

Длиною в мир.

Длиною в жизнь.

Длиною в блюз...

Илья Верховский

(отдельное и особое спасибо Андрею Евдокимову, Дмитрию Александрову, Михаилу Бирюкову, Александру Сазонову, Виталию Силантьеву, Александру Панину и многим другим, кто пишет о блюзе в Инете и держит его – блюз, а не Инет – живым)